

ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН С ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТЬЮ

П.А. Понизовский¹, Е.П. Скурат^{3,4}, А.В. Трусова^{3,4},
А.Б. Шмуkler¹, А.О. Кибитов²

¹Московский научно-исследовательский институт психиатрии – филиал ФБГУ «НМИЦ ПН им. В.П.Сербского» Минздрава России

²Национальный научный центр наркологии – филиал ФБГУ «НМИЦ ПН им. В.П.Сербского» Минздрава России

³ФБГУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и неврологии им. В.М. Бехтерева» Минздрава России

⁴Санкт-Петербургский Государственный университет

В связи со стремительным развитием компьютерных технологий в современном мире перед системой общественного здравоохранения все острее встает проблема интернет-зависимости (ИЗ) и ее негативных психосоциальных последствий. Истинная распространенность ИЗ до сих пор неясна, так как диапазон ее оценок, зарегистрированных в научной литературе, очень широк (от 0,7% в Норвегии до 36,9% в Малайзии) [18, 27]. Немногочисленные работы, проводимые в отдельных регионах РФ, также обнаруживают разнящиеся показатели распространенности ИЗ. Обследование 150 старшеклассников и студентов психологами в г.Петрозаводске выявил степень проблемного использования интернета на уровне 2,7% [7]. Анализ популяции московских подростков показал, что ИЗ присутствует у 4,3% обследованных [9]. Среди 169 обследованных студентов ВУЗов г.Уфы, Республика Башкирия, 12% обследованных имели ИЗ [2]. Причиной такого «разброса данных», по-видимому, служат не только популяционные различия, но и разнообразие инструментов оценки и операциональных определений ИЗ, используемых авторами при проведении исследований.

К настоящему времени накоплены доказательства того, что ИЗ многогранна и проявляется различными формами онлайн-поведения [65]. Среди видов интернет деятельности, которые при чрезмерной в них вовлеченности способны нарушить нормальное функционирование, выделяют онлайн-игры и многопользовательские онлайн-ролевые игры [16, 31], азартные игры в Интернете [39], покупки в Интернете [76, 82], просмотр порнографии [21, 63], частые проверки электронной почты и обмен мгновенными сообще-

ниями [51], а также чрезмерное использование социальных сетей [59, 60].

В настоящее время из всех форм ИЗ в DSM-5 под заголовком «состояния, требующие дальнейшего изучения», включено лишь Интернет игровое расстройство (Internet Gaming Disorder) [33]. Предварительный вариант «Международной классификации болезней» 11 пересмотра (МКБ-11), принятый в мае 2019 года на Всемирной ассамблее здравоохранения в Женеве, вслед за DSM-5 также был дополнен диагностической категорией «Игровое расстройство» [50].

Считается, что среди лиц, страдающих ИЗ, преобладают мужчины [34, 78, 84]. Хотя женщины тоже подвержены этой патологии [42, 84, 87], ни в одном исследовании не сообщалось о более высоких показателях ИЗ среди них. Поскольку большинство клинических исследований ИЗ включают только участников мужского пола [61], женская популяция, демонстрирующая признаки зависимости от Интернета, остается недостаточно изученной.

Многие исследователи отмечают, что мужчины и женщины различаются по предпочитаемым ими формам интернет активности и потому склонны к развитию того или иного вида ИЗ [42]. Для мужчин чаще характерна зависимость от сетевых онлайн-игр [3, 36, 52], интернет порнографии, а также азартных игр онлайн [52, 62]. С женским полом чаще ассоциированы чрезмерное использование чатов и социальных сетей [3, 17, 36, 59, 62], а также избыточный интернет шопинг [76].

В ряде систематических исследований и мета-анализов была выявлена выраженная корреляция между ИЗ и психическими расстройствами. Было установлено, что ИЗ в основном может сочетаться со

злоупотреблением алкоголем, синдромом дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ), депрессивными и тревожными расстройствами, враждебностью и агрессией, а также с обсессивно-компульсивными симптомами [22, 45, 58].

Опыт пилотного исследования, проведенного в рамках российского междисциплинарного проекта по выявлению и валидации системы комплексных молекулярно-генетических и психологических маркеров высокого риска развития ИЗ [6], показал, что у пациентов с ИЗ психиатрические диагнозы (в основном аффективные и тревожные расстройства) выявляются в 9 раз чаще, чем в контрольной группе, состоящей из добровольцев, не имевших ИЗ [4]. Коморбидные интернет-зависимости психические расстройства были выявлены в 54,3% случаях и представлены: расстройствами настроения (35,7%); невротическими, связанными со стрессом расстройствами (33,3%); расстройствами личности, привычек и влечений (23,8%); употреблением психоактивных веществ с вредными последствиями (4,8%); шизофреническим расстройством (2,4%) [3].

Особое внимание уделяется изучению психосоциальных факторов риска развития болезней зависимости в целом и ИЗ в частности. Установлено, что особенности воспитания и неблагоприятный детский опыт влияют на формирование аддиктивных и аффективных расстройств в более позднем возрасте [57, 66, 67, 77, 80]. Воздействие хронических психосоциальных стрессоров, даже просто опыт проживания в атмосфере насилия, которому человек не подвергается, а является лишь свидетелем, приводит к активации нейроэндокринной гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой оси мозга, которая оказывает выраженное влияние на формирование паттернов аддиктивного поведения, особенно в подростковом возрасте [35]. В этом случае возможна трактовка ИЗ как результата бегства от реальности, ухода от агрессивной действительности в более безопасный и позитивный иллюзорный мир [13].

Описывая личностные факторы, предрасполагающие к ИЗ, исследователи отмечают, что зависимые индивидуумы характеризуются более низкой степенью экстраверсии [1, 48], преобладанием акцентуаций неустойчивого и шизоидного типов [5, 11], робостью, нерешительностью и неуверенностью в себе [40, 74], импульсивностью [25, 74], высоким уровнем нейротизма [23, 83], перфекционизма, фобической тревоги и гиперсензитивного нарциссизма [14].

Многие исследователи указывают на тесную связь между уровнем агрессии и ИЗ. Было показано, что уровень агрессивности у подростков, имеющих ИЗ, выше по сравнению с независимыми от интернета подростками [15, 55, 56, 64]. При систематическом анализе исследований, посвященных коморбидности ИЗ с другой психопатологией, было обнаружено, что 66% таких работ регистрировали сочетание ИЗ с враждебностью и агрессией [22].

Также во многих исследованиях устанавливалась связь между социальной тревожностью и ИЗ [19, 53, 75, 85], при этом имеется в виду тревога, возникающая при межличностном взаимодействии. Этот, так называемый, «зонтичный» психологический феномен, имеет континуальную природу и включает целый спектр явлений – от застенчивости до социальной фобии.

В целом лицам, склонным к ИЗ, свойственны тревога и депрессия, напряженность, эмоциональная неустойчивость, застенчивость, они испытывают коммуникативные сложности, социально пассивны, насторожены по отношению к другим людям, обладают негативной коммуникативной установкой и склонны к проявлению нонконформизма [12]. В качестве совладающего поведения ими используется копинг-стратегия «бегство-избегание», которая с легкостью реализуется в интернете.

В то время как имеются данные о распределении ИЗ с преобладанием мужчин, а также выявлены определенные межполовые различия в отношении предпочитаемых форм интернет активности, специфичность индивидуально-психологических характеристик, потенциально значимых для формирования ИЗ, у мужчин и женщин остается малоизученной.

В одном из исследований было показано, что проблемное использование интернета у мужчин ассоциировано с фобической тревогой, а у женщин – с депрессией, замкнутостью и необходимостью снять напряжение [44]. Полученные данные свидетельствуют о том, что у мужчин и женщин могут быть разные психологические причины чрезмерного использования интернета, разные механизмы психологического дистресса и типы копинг стратегий.

Дальнейшее заполнение пробелов в этой области имеет важное значение для разработки персонализированных терапевтических и профилактических подходов к ИЗ.

Целью исследования явилось установление различий в индивидуально-психологических характеристиках мужчин и женщин с интернет-зависимостью.

Материалы и методы

Работа является фрагментом российского междисциплинарного мультицентрового исследовательского проекта по выявлению системы генетических и психологических маркеров высокого риска развития ИЗ [6].

Набор пациентов. В связи с отсутствием специализированных медицинских учреждений для лиц с ИЗ, низкой обращаемостью и выявляемостью этого контингента участники исследования набирались в пяти Центрах: ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П.Сербского» (Москва), ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.М.Бехтерева» (Санкт-Петербург), ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет» Минздрава

России (Санкт-Петербург), ФГБОУ ВО «Ростовский государственный медицинский университет» Минздрава России (Ростов-на-Дону), ГОБУЗ «Липецкий областной наркологический диспансер» (Липецк). В условиях отсутствия возможности постановки клинического диагноза ИЗ в рамках МКБ-10 исследование проводилось скрининговым методом с использованием психометрической «Шкалы интернет-зависимости» (Chen Internet Addiction Scale – CIAS) [24] в адаптации В.Л.Малыгина и соавт. [8]. Несмотря на организационные различия в способах привлечения участников к исследованию, процедуры и мероприятия исследования для всех участников были также идентичны. При включении в исследование все участники проходили первичное скрининговое обследование с помощью Краткого международного нейропсихиатрического опросника (The Mini international neuropsychiatric interview – MINI) на соответствие критериям включения/невключения.

Критерии включения:

1. Лица мужского и женского пола европейского происхождения в возрасте от 16 до 34 лет включительно.

2. Количество баллов по шкале CIAS – 65 и более, что соответствует психометрическому уровню ИЗ.

3. Участник исследования должен понимать суть исследования и подписать информированное добровольное согласие на включение в исследование, являться готовым выполнять все процедуры исследования.

Критерии неключения:

1. Сопутствующий психический диагноз, соответствующий критериям МКБ-10 в рубриках F00–09 и F20–29.

2. Эпизоды судорог в анамнезе, за исключением случаев единичных простых фебрильных судорог в возрасте от 6 месяцев до 5 лет (единичные простые фебрильные судороги – судороги без признаков фокальности, продолжительностью не более 15 минут, не связанные с инфекционным заболеванием ЦНС или тяжелым метаболическим нарушением).

3. Анамнез участника содержит информацию об органическом заболевании головного мозга – тяжелая травма, острое нарушение кровообращения головного мозга или инфекционном заболевании ЦНС с устойчивым неврологическим расстройством (фокальным или диффузным), тяжелые соматические заболевания в стадии декомпенсации.

4. Участник с положительным установленным ВИЧ-статусом.

Этические принципы. Все участники исследования подписали добровольное информированное согласие на включение в исследование. Персональные данные участников исследования были полностью скрыты, участники идентифицированы по кодам исследования.

Исследование индивидуально-психологических характеристик, потенциально значимых для форми-

рования ИЗ, проводилась с использованием следующих психометрических шкал.

Уровень агрессивности измерялся с помощью опросника Басса-Пеппи (The Buss-Perry Aggression Questionnaire – BPAQ) в адаптации С.Н.Ениколопова и Н.П.Цибульского.

Оценка факторов эмоциональной саморегуляции проводилась с помощью опросника эмоциональной регуляции Gross и John (Emotion Regulation Questionnaire – ERQ).

Дополнительно проводилась оценка факторов мотивации социального взаимодействия с помощью шкалы социальной тревожности Либовица (Liebowitz Social Anxiety Scale – LSAS).

Для определения личностных характеристик были использованы опросник темперамента и характера Клонинджера (Temperament And Character Inventory), вариант со 125 вопросами (TCI-125) в адаптации С.Н.Ениколопова, а также краткая версия пятифакторного опросника личности ТИPI Гослинга и соавт., в адаптации А.С.Сергевой (ТИPI-RU).

Для оценки влияния психотравмирующих событий детства использовался международный опросник неблагоприятного детского опыта (Adverse Childhood Experiences International Questionnaire – ACE-IQ), который измеряет 5 видов плохого обращения в детстве: эмоциональное, физическое и сексуальное насилие, а также эмоциональное и физическое пренебрежение.

Статистическая обработка полученных данных проводилась с использованием непараметрических методов. Переменные, имеющие дискретный характер распределения и упорядоченные данные описывались медианой, 1–3 квартилями (Md [Q1; Q3]). Межгрупповое сравнение шкальных оценок осуществлялось при помощи двустороннего двухвыборочного критерия Манна-Уитни (U-статистика). В качестве критерия статистической достоверности рассматривался уровень значимости $p \leq 0,05$.

Результаты

В результате использования «Шкалы интернет-зависимости» (CIAS) удалось набрать группу лиц в количестве 100 человек с выраженным и устойчивым паттерном Интернет зависимого поведения (65 баллов и более). Участники исследования были разделены на две группы по полу: группа I (54 муж.) и группа II (46 жен.). Средний возраст мужчин составил 21 год [16,0; 34,0] (Md[Q1;Q3]), женщин – 21 год [16,0; 30,0].

При анализе результатов, полученных с использованием «Шкалы интернет-зависимости», статистически достоверных межполовых различий по среднему баллу выраженности ИЗ выявлено не было. В группе мужчин этот показатель равнялся 75 [68, 83, 25], а у женщин – 71 [68, 79, 25].

Статистически достоверные межполовые различия были получены по подшкале «межличностных проблем

и проблем со здоровьем» (ИН), подшкале «толерантности» (Тол), а также по интегральному показателю «проблемы, связанные с интернет-зависимостью» (IARP), складывающемуся из подшкалы «межличностных проблем и проблем, связанных со здоровьем» и подшкалы «управления временем» (табл. 1.)

Женщины по сравнению с мужчинами демонстрировали более высокую толерантность к интернет активности ($p=0,031$), которая проявлялась всё большим удлинением времени, проводимого в сети, потерей контроля над длительностью интернет активности при изначальных планах «зайти в сеть на минутку», а также необходимостью проводить всё больше времени в Интернете, чтобы достигнуть того же удовлетворения, что и раньше.

У мужчин отмечался более высокий по сравнению с женщинами уровень выраженности проблем, связанных с интернет-зависимостью ($p=0,047$), среди которых были как нарушения межличностных отношений, так и проблемы, отражающиеся на здоровье и на эффективном распределении своего времени. У пациентов мужского пола количество времени, потраченного на Интернет, оставалось неизменным, несмотря на неприятности в учебе или на работе, в ущерб общению с членами семьи, личным встречам с друзьями, отдыху. Пациенты этой группы «после сидения в Интернете» чаще испытывали конкретный физический дискомфорт (боли в спине, суставах, голове, животе), а также общую усталость из-за нерегулярного приема пищи

Таблица 1

Результаты обследования по Шкале Интернет-зависимости Чена

Подшкалы	Группа I женщины n=46 Md [Q1; Q3]	Группа II мужчины n=54 Md [Q1; Q3]	Значение критерия, U	Уровень значимости, p
Компульсивные симптомы (Com)	14 [12; 16]	14,5 [12,75; 17]	1166,5	0,59
Симптомы отмены (Wit)	15 [13; 17,25]	15 [13; 17]	1227,5	0,92
Толерантность (Тол)	13 [12; 14]	11 [9,75; 14]	932,5	0,031*
Межличностные и связанные со здоровьем проблемы (ИН)	16 [14; 20,25]	18,5 [16; 22]	906,5	0,02*
Управление временем (ТМ)	16,5 [14; 18]	16 [14; 17,25]	1162	0,57
Интегральные показатели				
Ключевые симптомы интернет-зависимости (IA-Sym) = Com+Wit+Tol	41 [38,75; 46]	40,5 [36,75; 45,25]	1134,5	0,45
Проблемы, связанные с интернет-зависимостью (IA-RP) = ИН+ТМ	31,5 [39,75; 37]	35 [31; 38]	955,0	0,047*
Общий балл = Com+Wit+Tol+ИН+ТМ	71 [68; 79,25]	75 [68; 83,25]	1118,5	0,39

Примечания: Md – медиана; [Q1; Q3] – квартили; U – значение критерия Манна-Уитни; * – различия статистически достоверны при $p \leq 0,05$.

Таблица 2

Результаты обследования с помощью опросника уровня агрессивности Басса-Перри

Подшкалы	Группа I женщины n=46 Md [Q1; Q3]	Группа II мужчины n=54 Md [Q1; Q3]	Значение критерия, U	Уровень значимости, p
Физическая агрессия	18 [15; 23]	21,5 [19; 26]	867,5	0,009*
Гнев	21 [17; 26,5]	19 [15,75; 23,25]	1011,0	0,15
Враждебность	17 [14; 24]	17 [14; 22,5]	1182,0	0,94
Общий балл	57 [50; 68,5]	60 [51; 66,5]	1115,5	0,58

Примечания: Md – медиана; [Q1; Q3] – квартили; U – значение критерия Манна-Уитни; * – различия статистически достоверны при $p \leq 0,05$.

Таблица 3

Результаты обследования с помощью опросника эмоциональной регуляции

Подшкалы	Группа I женщины n=46 Md [Q1; Q3]	Группа II мужчины n=54 Md [Q1; Q3]	Значение критерия, U	Уровень значимости, p
Когнитивная переоценка	29 [23,75; 34]	28 [22,5; 32]	1111,5	0,45
Подавление экспрессии	15 [12; 18]	16,5 [14,75; 19]	905,0	0,019*

Примечания: Md – медиана; [Q1; Q3] – квартили; U – значение критерия Манна-Уитни; * – различия статистически достоверны при $p \leq 0,05$.

и несоблюдения режима сна/бодрствования. Для них становилось обычным спать меньше (нередко менее 4 часов в сутки), чтобы провести больше времени в сети.

При сравнении результатов, полученных с помощью опросника уровня агрессивности Басса-Перри, были установлены различия между группами по уровню проявления физической агрессии (табл. 2).

Зависимые от интернета мужчины достоверно чаще, чем женщины, угрожали своим знакомым, не могли сдерживать желание ударить другого человека, применяли физическую силу в ответ на провокации или отношение, которое воспринималось ими как враждебное, ломали в гневе вещи ($p=0,009$).

Сравнение результатов, полученных при изучении особенностей эмоциональной регуляции у интернет-зависимого контингента с помощью Опросника Гросса и Джона (Emotion Regulation Questionnaire – ERQ), свидетельствует о наличии межполовых различий (табл. 3.).

Как следует из табл. 3, зависимым от интернета мужчинам по сравнению с женщинами достоверно чаще свойственно не показывать и сдерживать проявления как положительных, так и отрицательных эмоций ($p=0,019$).

При оценке результатов заполнения шкалы социальной тревожности Либовица были получены межполовые различия по подшкалам страха ситуаций межличностного контакта и страха совершения действий в общественных местах, а также по сумме всех подшкал страха (табл. 4.).

Анализ полученных данных показал, что женщины, зависимые от интернета, чаще мужчин испытывали страх деятельности в небольшой группе, в гостях или на вечеринке. Они испытывали тревогу и страх при необходимости работать под наблюдением или просто в присутствии кого-либо, испытывали дискомфорт при очном или телефонном общении с незнакомыми людьми. Им было крайне сложно выразить неодобрение или несогласие незнакомому человеку, смотреть ему в глаза при общении, пытаться познакомиться с кем-либо с целью романтических или сексуальных отношений. В магазине они ощущали тревогу и страх при необходимости вернуть купленный товар с целью получить обратно деньги. Им было сложно выдержать давление, оказываемое со стороны продавца какого-либо товара или услуги. В общественных местах в присутствии других людей они испытывали страх говорить по телефону, принимать пищу и пить, пользоваться общественным туалетом.

Анализ данных, полученных при помощи пятифакторного опросника личности Гослинга (TIPI-RU), установил межполовые различия по фактору «эмоциональная стабильность» (табл. 5.).

Мужчины, зависимые от интернета, по сравнению с женщинами достоверно чаще считали, что их личностными качествами являются спокойствие и эмоциональная устойчивость ($p=0,048$). Конструкт большой пятерки эмоциональная стабильность – это личностная характеристика, обратная нейротизму, определяющая устойчивость к возникновению негативного аффекта и тревоги.

Таблица 4

Результаты обследования с помощью шкалы социальной тревожности Либовица

подшкала	группа I женщины n=43 Md [Q1; Q3]	группа II мужчины n=52 Md [Q1; Q3]	значение критерия, U	уровень значимости, p
Страх ситуаций межличностного контакта	13 [7; 17]	8 [4; 13]	829,5	0,031*
Страх ситуаций формального общения и взаимодействия	11 [6; 14]	8 [4,25; 13]	934,0	0,16
Страх совершения действий в общественных местах	2 [0; 4]	1 [0; 2]	850,0	0,037*
Избегания ситуаций межличностного контакта	12 [8; 17]	11,5 [4; 17,75]	995,0	0,35
Избегания ситуаций формального общения и взаимодействия	8 [5; 11]	7 [4; 13]	1030,5	0,51
Избегания совершения действий в общественных местах	2 [1; 4]	1,5 [0; 4]	869,0	0,058
Интегральные показатели				
Суммарный балл всех подшкал страха	26 [15; 33]	17 [10; 26]	822,0	0,027*
Суммарный балл всех подшкал избегания	22 [16; 30]	18,5 [8; 31]	971,5	0,27
Общий суммарный балл	47 [36; 61]	35 [18; 57]	902,0	0,10

Примечания: Md – медиана; [Q1; Q3] – квартили; U – значение критерия Манна-Уитни; * – различия статистически достоверны при $p \leq 0,05$.

Также удалось выявить различия между мужчинами и женщинами при обработке результатов, полученных при заполнении адаптированного русскоязычного варианта опросника Клониджера для оценки черт личности, характера и темперамента, включающего 125 утверждений (табл. 6.)

Анализ результатов заполнения опросника показал, что у зависимых от интернета женщин такие личностные черты, как «зависимость от вознаграждения», «настойчивость/упорство» и «самосовершенствование / трансцендентность Я», достоверно более выражены, чем у мужчин.

«Зависимость от вознаграждения» заключается в том, что этим пациенткам крайне важно производить хорошее впечатление на окружающих, нравиться им своими поступками, чтобы получать одобрение, при этом часто в ущерб своим интересам. Они отличаются сентиментальностью, чуткостью, жалостливостью,

часто воспринимают чужие переживания как свои собственные. Для них характерно открытое проявление эмоций на людях. Им свойственна ранимость, потребность в прочных эмоциональных контактах, и в случае негативных переживаний они среди друзей чувствуют себя лучше, чем в одиночестве.

«Настойчивость» проявляется упорством при достижении своей цели. Пациентки отмечали, что работают более напряженно, чем большинство других людей, а также прикладывают больше усилий и продолжают работать даже тогда, когда другие люди уже давно «сложили руки». Они стремятся делать всё настолько хорошо, насколько могут, и часто доводят себя до истощения или пытаются сделать больше, чем в их силах.

Под «самосовершенствованием/трансцендентностью Я» понимается присущее пациенткам оригинальное творческое, «магическое» мышление,

Таблица 5

Результаты обследования с помощью пятифакторного опросника личности

Факторы	Группа I женщины n=46 Md [Q1; Q3]	Группа II мужчины n=54 Md [Q1; Q3]	Значение критерия, U	Уровень значимости, p
Экстраверсия	4,5 [3,88; 5,5]	4,5 [2,5; 5,5]	1112,0	0,36
Доброжелательность	4,5 [4; 5,5]	5 [4; 5,13]	1159,5	0,56
Добросовестность/ сознательность	5 [3,5; 6]	4,25 [2,5; 6]	1061,0	0,20
Эмоциональная стабильность	4 [3; 5,5]	5 [3,5; 6]	958,0	0,048*
Открытость новому опыту	4,75 [4; 5,5]	4,5 [4; 5,63]	1209,0	0,81

Примечания: Md – медиана; [Q1; Q3] – квартили; U – значение критерия Манна-Уитни; * – различия статистически достоверны при $p \leq 0,05$.

Таблица 6

Результаты обследования с помощью опросника Клониджера для оценки черт личности, характера и темперамента

Подшкалы	Группа I женщины n=46 Md [Q1; Q3]	Группа II мужчины n=54 Md [Q1; Q3]	Значение критерия, U	Уровень значимости, p
Поиск новизны	11 [8; 14]	9 [5; 14]	979,5	0,07
Избегание вреда	10,5 [7,75; 15]	10 [4,75; 16]	1113,0	0,37
Зависимость от вознаграждения	9 [7; 11]	7 [5; 9]	799,5	0,002*
Настойчивость	2 [1; 3]	1 [1; 3]	963,5	0,046*
Самонаправленность	13,5 [9,5; 16,25]	12,5 [9,75; 16]	1220,0	0,88
Сотрудничество	18 [15,75; 21]	17 [13; 20]	1013,0	0,11
Самосовершенствование/ Трансцендентность Я	6 [3,75; 9]	4 [1,75; 6]	798,5	0,002*

Примечания: Md – медиана; [Q1; Q3] – квартили; U – значение критерия Манна-Уитни; * – различия статистически достоверны при $p \leq 0,05$.

чувство единства со Вселенной: природой и людьми, ощущение сопричастности и ответственности за все происходящее в мире. Эти пациентки склонны к экзальтации и восторгам, им присущи суеверия, вера в чудеса и некую духовную власть или силу, которой подчинена жизнь и которую нельзя до конца постичь.

При анализе результатов заполнения Международного опросника неблагоприятного детского опыта (АСЕ-IQ) были выявлены межполовые различия, касающиеся частоты встречаемости сексуального насилия. Так, женщины достоверно чаще сталкивались с сексуальным насилием в детском возрасте, чем мужчины ($p=0,032$).

Обсуждение

Полученные результаты свидетельствуют об отсутствии значительных межполовых различий в группе лиц с ИЗ. Этот вывод распространяется как в отношении регистрируемых шкалой CIAS симптомов и проявлений самой зависимости, так и в отношении индивидуально-психологических характеристик обследованных лиц.

Сравнение по общему баллу шкалы CIAS не выявило разницы между группами. Найденные статистически достоверные межполовые различия по степени выраженности симптомов толерантности, вероятно, могут объясняться спецификой интернет деятельности, характерной для того или иного пола. Так, аддиктивная толерантность при осуществлении мужчинами игровой активности может быть ниже, чем у женщин, предпочитающих проводить время в социальных сетях, из-за того, что в массовых многопользовательских онлайн-играх зачастую требуется выполнение кратковременных заданий, которое осуществляется в высоком темпе с последующим быстрым выходом из игры для восстановления и закрепления результата, в то время как использование чатов и социальных сетей, более характерное для женщин, не предполагает подобных временных ограничений.

Более высокие показатели межличностных проблем в выборке мужчин с ИЗ, по-видимому, также могут отражать специфику их онлайн-активности, когда коммуникативный компонент, реализующийся преимущественно активностью в социальных сетях и чатах, не задействован, в силу чего наносится ущерб общению с членами семьи, личным встречам с друзьями, возникает чувство отдаленности от семьи и друзей.

Установленный более высокий уровень выраженности связанных с ИЗ проблем, отражающихся на здоровье, достоверно чаще характерный для мужчин, опять же может быть связан со спецификой игровой деятельности, когда в течение длительного времени на фоне эмоционального и физического напряжения игроки поддерживают определенное положение тела, провоцируя последующее патологическое напря-

жение мышц, сопровождаемое болевым синдромом и спазмами.

В то же время различий между мужчинами и женщинами по подшкалам компульсивных симптомов, симптомов отмены и управления временем нам выявить не удалось.

У зависимых от интернета мужчин был выявлен достоверно более высокий уровень физической агрессии, чем у женщин.

Подобные межполовые различия выявляются и в общей популяции. К примеру, количество регистрируемых убийств, совершенных мужчинами в 11 раз превышает количество аналогичных преступлений, совершаемых женщинами [81]. В целом высокий уровень физической агрессии у зависимых от интернета лиц может быть связан со снижением у них внутренних барьеров на применение физической силы против другого человека из-за наличия зависимости и усиления чувствительности к минимальным фрустрирующим факторам, которые могут быть связаны, например, с отсутствием доступа к интернету или неудачным результатом игры.

Индивидуальные особенности регуляции эмоций обуславливают поведение лиц с аддиктивными расстройствами. С точки зрения процессуальной модели регуляции эмоций Гросса считается, что все стратегии эмоциональной регуляции могут быть разделены на те, что направлены на модификацию эмоционального ответа (переоценка), и те, что сдерживают проявления уже возникшего эмоционального ответа (подавление). Считается, что переоценка является более конструктивной стратегией, чем подавление, так как имеет положительные последствия для эмоционального и социального функционирования и благополучия в целом, а подавление экспрессии – отрицательные. По результатам мета-анализа 48 исследований, опубликованных с 2003 по 2013 год, о связи стратегий эмоциональной регуляции и психического здоровья (удовлетворенность жизнью, позитивный и негативный аффект, депрессия, тревожность) когнитивная переоценка положительно коррелирует с индикаторами психического здоровья, а подавление экспрессии – отрицательно [47]. Подавление экспрессии отрицательно коррелирует с индикаторами психического здоровья на выборках с западными культурными ценностями (США, Англия и т.д.) и не коррелирует – на выборках с восточными культурными ценностями (Китай, Япония, Корея, Сингапур).

При анализе полученных нами результатов выяснилось, что в группе пациентов с ИЗ мужчины по сравнению с женщинами достоверно чаще подавляли свои эмоции. Эти результаты согласуются с международными данными, полученными в общей популяции. Так, в американской выборке, подавление экспрессии также выше у мужчин по сравнению с женщинами [41]. Анализ влияния культуральных ценностей на гендерные различия в проявлении

эмоций показывает, что гендерные различия больше в странах с более высоким уровнем индивидуализма [38]. Например, результаты, полученные в США, воспроизводятся в странах с таким же высоким уровнем индивидуализма – Англии и Австралии [79], в то время как в Ливане – стране с низким уровнем индивидуализма – гендерные различия по подавлению экспрессии обнаружены не были [71]. В кросскультурных проектах было установлено, что чем выше в культуре уровень коллективизма, тем ниже общий уровень экспрессии [68] и чаще используется стратегия подавления эмоций [69]. Это объясняется тем, что при индивидуализме свободное проявление эмоций безопасно и даже поощряется, а при коллективизме – в приоритете поддержание социальных связей и поэтому проявление индивидуальных эмоций грозит осуждением со стороны окружающих и нарушением социальных связей.

Исследования, проведенные в Российской Федерации, свидетельствуют о том, что подавление экспрессии до сих пор является достаточно типичной для нашей страны стратегией эмоциональной регуляции и мужчины используют эту стратегию чаще женщин [10]. Аналогичные данные получены и в нашем исследовании.

Выявленные нами межполовые различия в уровне социальной тревожности в группе пациентов, страдающих ИЗ, совпадают с результатами исследований общей популяции, проведенными в Индии [26], Италии [32], Эфиопии [70], Польше [20] и Ираке [49], в которых было показано, что социальная тревожность чаще встречается у женщин, чем у мужчин. Это позволяет предположить, что полученные нами межполовые различия в уровне страха ситуаций межличностного контакта и совершения действий в общественных местах не определяются наличием зависимости от интернета, а являются гендерно специфичными вне контекста изучаемой популяции, будь то общая популяция или пациенты с ИЗ.

Из базовых черт личности согласно пятифакторной личностной модели (Big Five или «Большая пятерка»), которая включает пять личностных измерений – «экстраверсию», «дружелюбие», «добросовестность», «эмоциональную стабильность» и «открытость новому опыту», в нашем исследовании у зависимых от интернета мужчин по сравнению с женщинами достоверно чаще преобладала эмоциональная устойчивость. В мета-анализе A.R.Kayıř и соавт. [54] было показано, что все факторы «Большой пятерки» имеют значительное влияние на ИЗ. По всей видимости, полученные нами результаты относительно большей эмоциональной стабильности мужчин с ИЗ по сравнению с женщинами с ИЗ нашли свое отражение и в характеристиках эмоциональной регуляции, и в различных аспектах социальной тревожности.

С учетом полученных результатов, показывающих, что мужчины с ИЗ по сравнению с женщинами достоверно чаще используют стратегию подавления

эмоций, можно предположить, что, как следствие, это позволяет им воспринимать себя эмоционально стабильными и устойчивыми к возникновению негативных аффектов.

В исследовании темперамента и характерологических особенностей аддиктов нередко прибегают к трехмерной теории личности Клонинджера, в основе которой лежат три измерения характера («самонаправленность», «сотрудничество», «самоусовершенствование») и четыре характеристики темперамента («поиск новизны», «избегание вреда», «зависимость от вознаграждения», «настойчивость») [28]. В настоящее время общепризнанным считается, что наиболее значимой характеристикой темперамента для прогноза развития аддиктивного поведения является «поиск новизны». Также встречаются указания на то, что «избегание вреда» сказывается на интенсивности употребления психоактивных веществ [46]. В то же время установлено, что низкий уровень «самонаправленности» является фактором риска ИЗ, что имеет высокий генетический контроль [43].

Анализ результатов заполнения опросника показал, что у зависимых от интернета женщин достоверно чаще, чем у мужчин, встречались такие личностные черты, как «зависимость от вознаграждения», «настойчивость» и «самоусовершенствование / трансцендентность Я».

Выявленные нами межполовые различия соответствуют данным некоторых других исследований, где было показано, что большая «зависимость от вознаграждения» характерна как для женщин, страдающих алкогольной зависимостью [29], так и для здоровых женщин в общей популяции [72].

Такая личностная черта, как «самоусовершенствование/трансцендентность Я», которая характеризуется наличием оригинального творческого, «магического» мышления, стремлением к духовному развитию, также в большей степени присуща женщинам, чем мужчинам, в общей популяции и способствует лучшей адаптации [30].

При анализе результатов заполнения Международного опросника неблагоприятного детского опыта (ACE-IQ) у пациентов с ИЗ были выявлены межполовые различия только в отношении показателя сексуального насилия. При этом женщины достоверно чаще, чем мужчины, сталкивались с сексуальным насилием в детском возрасте, что характерно как для общей популяции, так и для пациентов, страдающих психическими заболеваниями [37, 73, 86].

Таким образом, проведенный нами сравнительный анализ потенциально значимых для формирования ИЗ психологических характеристик выявил ряд ассоциированных с полом различий, которые в определенной мере можно считать специфичными для данного контингента, хотя подобные соотношения можно проследить как при некоторых других формах аддикций, так и в общей популяции. Возможно,

специфика межполовых различий отражает индивидуально-психологические маркеры повышенной уязвимости к формированию ИЗ.

К ограничениям этого исследования следует отнести то, что дизайн не позволял установить причинно-следственную связь между имеющимися индивидуально-психологическими характеристиками и существующей ИЗ, и потому нельзя с уверенностью сказать, явилась ли ИЗ следствием выявленных психологических особенностей. Полученные межполовые различия в индивидуально-психологических характеристиках в группе респондентов с ИЗ на данном этапе работы не были сопоставлены с таковыми в здоровой выборке, то есть с теми, кто по баллам CIAS соответствовал градации «минимальный риск возникновения интернет зави-

симого поведения» и «склонность к возникновению интернет зависимого поведения».

Сильной стороной настоящего исследования является то, что в него были включены лица в возрасте от 16 до 34 лет, в то время как большинство исследований ИЗ проводится на подростках.

В дальнейшем представляется важным сопоставить полученные межполовые различия в индивидуально-психологических характеристиках в группе респондентов с ИЗ с аналогичными параметрами в контрольной выборке здоровых участников исследования.

Исследование проводится при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-22079.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антоненко А.А. Интернет-зависимость подростков от компьютерных игр и онлайн-общения: клинико-психологические особенности и профилактика: Автореф. ... канд. психол. наук. М., 2014. 22 с.
2. Бакиров Л.Р. Психометрические показатели Интернет-аддикции у студентов-пользователей компьютером // Неврологический вестник. Журнал имени В.М. Бехтерева. 2015. Т. 47. № 2. С. 94–96.
3. Гречаный С.В., Егоров А.Ю., Солдаткин В.А. и соавт. Интернет-аддикция у молодых взрослых: формы онлайн-активности, половые различия, коморбидные психические и наркологические расстройства // Вопросы наркологии. 2020. № 4 (187). С. 78–102.
4. Егоров А.Ю., Гречаный С.В., Чугрова Н.А. и соавт. Клинико-патологические особенности лиц с Интернет-зависимостью: опыт пилотного исследования // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2020. Т. 120. № 3. С. 13–18.
5. Егоров А.Ю., Кузнецова Н.А., Петрова Е.А. Особенности личности подростков с Интернет-зависимостью // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2005. Т. 5. № 2. С. 20–27.
6. Кибитов А.О., Егоров А.Ю., Трусова А.В. и соавт. Система комплексных молекулярно-генетических и психологических маркеров высокого риска развития интернет-зависимости: возможности изучения, дизайн и методология исследования // Наркология. 2019. Т. 18. № 8. С. 18–39.
7. Колесников В.Н., Мельник Ю.И., Теплова Л.И. Интернет-активность и проблемное использование интернета в юношеском возрасте // Национальный психологический журнал. 2019. Т. 33. № 1. С. 34–46.
8. Мальгин В.Л., Феклисов К.А., Искандирова А.С. и соавт. Интернет-зависимое поведение. Критерии и методы диагностики: учебное пособие. М.: МГМСУ, 2011.
9. Мальгин В.Л., Хомерики Н.С., Антоненко А.А. Индивидуально-психологические свойства подростков как факторы риска формирования Интернет-зависимого поведения // Медицинская психология в России [Электронный ресурс]. 2015. № 1. http://www.medpsy.ru/mprij/archiv_global/2015_1_30/nomer10.php – (дата обращения: 15.01.2021).
10. Панкратова А.А., Корниенко Д.С. Русскоязычная адаптация опросника ERQ (Emotion Regulation Questionnaire) Дж. Гросса // Вопросы психологии. 2017. № 5. С. 139–149.
11. Солдаткин В.А., Мавани Д.Ч., Карпова Е.В. и соавт. Клинико-патогенетическая характеристика компьютерной зависимости // Медицинский вестник Юга России. 2019. Т. 10. № 2. С. 35–47.
12. Спиркина Т.С. Особенности эмоционально-личностной сферы пользователей сети Интернет, склонных к Интернет-зависимости. // Медицинская психология в России [Электронный ресурс]. 2011. № 6. http://www.medpsy.ru/mprij/archiv_global/2011_6_11/nomer18.php – (дата обращения: 12.01.2021).
13. Трусова А.В., Гречаный С.В., Солдаткин В.А. и соавт. Предикторы развития Интернет-аддикции: анализ психологических факторов // Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В.М. Бехтерева. 2020. № 1. С. 72–82.
14. Холмогорова А.Б., Герасимова А.А. Психологические факторы проблемного использования Интернета у девушек подросткового и юношеского возраста // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27. № 3. С. 138–155.
15. Шутова Н.В., Баранова Ю.М. Оценка риска интернет-зависимости для психического здоровья подростков // Гигиена и санитария. 2017. Т. 96. № 6. С. 568–572.
16. Achab S., Nicolier M., Mauny F. et al. Massively multiplayer online role-playing games: comparing characteristics of addict vs non-addict online recruited gamers in a French adult population // BMC Psychiatry. 2011. № 11. Art. 144.
17. Andreassen C.S., Torsheim T., Brunborg G.S. et al. Development of a Facebook Addiction Scale // Psychological Reports. 2012. Vol. 110. N 2. P. 501–517.
18. Bakken I.J., Wenzel H.G., Götestam K.G. et al. Internet addiction among Norwegian adults: A stratified probability sample study // Scand. J. Psychol. 2009. Vol. 50. N 2. P. 121–127.
19. Baloğlu M., Özteke Kozan H.İ., Kesici Ş. Gender Differences in and the Relationships Between Social Anxiety and Problematic Internet Use: Canonical Analysis // J. Med. Internet Res. 2018. Vol. 20. N 1. e33.
20. Bracik J., Krysta K., Zaczek A. Impact of family and school environment on the development of social anxiety disorder: a questionnaire study // Psychiatr. Danub. 2012. Vol. 24. S. 1. P. 125–127.
21. Brand M., Laier C., Pawlikowski M. et al. Watching pornographic pictures on the Internet: Role of sexual arousal ratings and psychological-psychiatric symptoms for using Internet sex sites excessively // Cyberpsychol. Behav. Soc. Netw. 2011. Vol. 14. N 6. P. 371–377.
22. Carli V., Durkee T., Wasserman D. et al. The association between pathological internet use and comorbid psychopathology: a systematic review // Psychopathology. 2013. Vol. 46. N 1. P. 1–13.
23. Chamberlain S.R., Ioannidis K., Grant J.E. The impact of comorbid impulsive/compulsive disorders in problematic Internet use // J. Behav. Addict. 2018. Vol. 7. N 2. P. 269–275.
24. Chen S.H., Weng L.C., Su Y.J. et al. Development of Chinese Internet Addiction Scale and its psychometric study // Chin. J. Psychol. 2003. Vol. 45. N 3. P. 279–294.
25. Chen S.K., Lo M.T., Lin S.S.J. Impulsivity as a precedent factor for problematic Internet use: How can we be sure? // Int. J. Psychol. 2017. Vol. 52. N 5. P. 389–397.
26. Chhabra V., Bhatia M., Gupta S. et al. Prevalence of Social Phobia in school-going adolescents in an urban area // Delhi Psychiatry J. 2009. Vol. 12. N 1. P. 18–25.
27. Ching S.M., Hamidin A., Vasudevan R. et al. Prevalence and factors associated with internet addiction among medical students – A cross-sectional study in Malaysia // Med. J. Malaysia. 2017. Vol. 72. N 1. P. 7–11.
28. Cloninger C.R. A unified biosocial theory of personality and its role in the development of anxiety states // Psychiatr. Dev. 1986. Vol. 4. N 3. P. 167–226.
29. Cloninger C.R. Neurogenetic adaptive mechanisms in alcoholism // Science. 1987. Vol. 236. № 4800. P. 410–416.
30. Cole N., McNulty Y. Why do female expatriates “fit-in” better than males? An analysis of self-transcendence and socio-cultural adjustment // Cross Cultural Management: An Int. J. 2011. Vol. 18. N. 2. P. 144–164.
31. Cole S.H., Hooley J.M. Clinical and Personality Correlates of MMO Gaming: Anxiety and Absorption in Problematic Internet Use // Social Science Computer Review. 2013. Vol. 31. N 4. P. 424–436.

32. Dell'Osso L., Abelli M., Pini S. et al. The influence of gender on social anxiety spectrum symptoms in a sample of university students // *Riv. Psichiatr.* 2015. Vol. 50. N 6. P. 295–301.
33. Diagnostic and statistical manual of mental disorders: DSM-5. 5th ed: American Psychiatric Pub; 2013. [Электронный ресурс]. – <https://www.psychiatry.org/patients-families/internet-gaming> – (дата обращения 11.01.2021)
34. Durkee T., Kaess M., Carli V. et al. Prevalence of pathological internet use among adolescents in Europe: demographic and social factors // *Addiction.* 2012. Vol. 107. N 12. P. 2210–2222.
35. Ewald D.R., Strack R.W., Orsini M.M. Rethinking Addiction // *Glob. Pediatr. Health.* 2019. Vol. 6. P. 1–16.
36. Fernández-Villa T., Alguacil Ojeda J., Almaraz Gómez A. et al. Problematic Internet Use in University Students: associated factors and differences of gender // *Adicciones.* 2015. Vol. 27. N 4. P. 265–275.
37. Finkelhor D., Shattuck A., Turner H.A. et al. The lifetime prevalence of child sexual abuse and sexual assault assess in late adolescence // *J. Adolesc. Health.* 2014. Vol. 55. № 3. P. 329–333.
38. Fischer A.H., Manstead S.R. The relation between gender and emotions in different cultures // Fischer A.H. (ed.). *Gender and emotion: social psychological perspectives.* N.Y.: Cambridge Univ. Press, 2000. P. 71–94.
39. Griffiths M. Internet Gambling: Issues, Concerns, and Recommendations // *Cyber Psychology & Behavior.* 2003. Vol. 6. N 6. P. 557–568.
40. Griffiths M.D. Does Internet and Computer «Addiction» Exist? Some Case Study Evidence // *Cyberpsychol. Behav.* 2000. Vol. 3. N 2. P. 211–218.
41. Gross J.J., John O.P. Individual differences in two emotion regulation processes: Implications for affect, relationships, and well-being // *J. Pers. and Soc. Psychol.* 2003. Vol. 85. N 2. P. 348–362.
42. Ha Y.M., Hwang W.J. Gender Differences in Internet Addiction Associated with Psychological Health Indicators Among Adolescents Using a National Web-based Survey // *Int. J. Ment. Health Addiction.* 2014. Vol. 12. P. 660–669.
43. Hahn E., Reuter M., Spinath F.M. et al. Internet addiction and its facets: the role of genetics and the relation to self-directedness // *Addict. Behav.* 2017. Vol. 65. P. 137–146.
44. Hetzel-Riggan M.D., Pritchard J.R. Predicting problematic Internet use in men and women: the contributions of psychological distress, coping style, and body esteem // *Cyberpsychol. Behav. Soc. Netw.* 2011. Vol. 14. N 9. P. 519–525.
45. Ho R.C., Zhang M.W., Tsang T.Y. et al. The association between internet addiction and psychiatric co-morbidity: a meta-analysis // *BMC Psychiatry.* 2014. Vol. 14. Art. N 183.
46. Howard M.O., Kivlahan D., Walker R.D. Cloninger's tridimensional theory of personality and psychopathology: applications to substance use disorders // *J. Stud. Alcohol.* 1997. Vol. 58. N 1. P. 48–66.
47. Hu T., Zhang D., Wang J. et al. Relation between emotion regulation and mental health: a meta-analysis review // *Psychol. Reports: Measures & Statistics.* 2014. Vol. 114. N 2. P. 341–362.
48. Huang X., Zhang H., Li M. et al. Mental Health, Personality and Parental Rearing Styles of Adolescents with Internet Addiction Disorder // *Cyberpsychol. Behav. Soc. Netw.* 2010. Vol. 13. N 4. P. 401–406.
49. Hummadi B.F., Al Obaidi A.K. Social phobia among secondary school students in Baghdad // *Iraq. J. Can. Acad. Child Adolesc. Psychiatry.* 2014. Vol. 23. N 1. P. 70–71.
50. ICD-11 (Mortality and Morbidity Statistics). Gaming disorder. [Электронный ресурс]. <https://icd.who.int/dev11/1-m/en/#/http%3a%2f%2fid.who.int%2fid%2fentify%2f1448597234> – (дата обращения 11.01.2021).
51. Igarashi T., Motoyoshi T., Takai J. et al. No mobile, no life: Self-perception and text-message dependency among Japanese high school students // *Computers Human Behav.* 2008. Vol. 24. N 5. P. 2311–2324.
52. Ioannidis K., Treder M.S., Chamberlain S.R. et al. Problematic internet use as an age-related multifaceted problem: Evidence from a two-site survey // *Addict. Behav.* 2018. Vol. 81. P. 157–166.
53. Jaiswal A., Manchanda S., Gautam V. et al. Burden of internet addiction, social anxiety and social phobia among University students, India // *J. Family Med. Prim. Care.* 2020. Vol. 9. N 7. P. 3607–3612.
54. Kayaş A.R., Satici S.A., Yilmaz M.F. et al. Big five-personality trait and Internet addiction: A meta-analytic review // *Computers Human Behav.* 2016. Vol. 63. P. 35–40.
55. Kim E.J., Namkoong K., Ku T. et al. The relationship between online game addiction and aggression, self-control and narcissistic personality traits // *Eur. Psychiatry.* 2008. Vol. 23. N 3. P. 212–218.
56. Kim K. Association between Internet overuse and aggression in Korean adolescents // *Pediatr. Int.* 2013. Vol. 55. N 6. P. 703–709.
57. Kim K., Kim K. Internet Game Addiction, Parental Attachment, and Parenting of Adolescents in South Korea // *J. Child Adolesc. Subst. Abuse.* 2015. Vol. 24. N 6. P. 366–371.
58. Ko C.-H., Yen J.-Y., Yen C.-F. et al. The association between Internet addiction and psychiatric disorder: A review of the literature // *Eur. Psychiatry.* 2012. Vol. 27. N 1. P. 1–8.
59. Kuss D.J., Griffiths M.D. Online Social Networking and Addiction – A Review of the Psychological Literature // *Int. J. Environmental Res. Public Health.* 2011. Vol. 8. N 9. P. 3528–3552.
60. Kuss D.J., Griffiths M.D., Binder J.F. Internet addiction in students: Prevalence and risk factors // *Computers Human Behav.* 2013. Vol. 29. N 3. P. 959–966.
61. Kuss D.J., Lopez-Fernandez O. Internet addiction and problematic Internet use: A systematic review of clinical research // *World J. Psychiatr.* 2016. Vol. 6. N 1. P. 143–176.
62. Laconi S., Andréoletti A., Chauchard E. et al. Utilisation problématique d'Internet, temps passé en ligne et traits de personnalité // *L'Encéphale.* 2016. Vol. 42. N 3. P. 214–218.
63. Laier C., Pawlikowski M., Pekal J. et al. Cybersex addiction: Experienced sexual arousal when watching pornography and not real-life sexual contacts makes the difference // *J. Behav. Addict. JBA.* 2013. Vol. 2. N 2. P. 100–107.
64. Lim J.A., Gwak A.R., Park S.M. et al. Are adolescents with internet addiction prone to aggressive behavior? The mediating effect of clinical comorbidities on the predictability of aggression in adolescents with internet addiction // *Cyberpsychol. Behav. Soc. Netw.* 2015. Vol. 18. N 5. P. 260–267.
65. Lopez-Fernandez O. How Has Internet Addiction Research Evolved Since the Advent of Internet Gaming Disorder? An Overview of Cyberaddictions from a Psychological Perspective // *Curr. Addict. Rep.* 2015. Vol. 2. P. 263–271.
66. Lotzin A., Haupt L., von Schönfels J. et al. Profiles of Childhood Trauma in Patients with Alcohol Dependence and Their Associations with Addiction-Related Problems // *Alcohol. Clin. Exp. Res.* 2016. Vol. 40. N 3. P. 543–552.
67. Mandelli L., Petrelli C., Serretti A. The role of specific early trauma in adult depression: A meta-analysis of published literature. Childhood trauma and adult depression // *Eur. Psychiatry.* 2015. Vol. 30. N 6. P. 665–680.
68. Matsumoto D., Yoo S.H., Fontaine J. et al. Mapping expressive differences around the world: The relationship between emotional display rules and Individual-ism vs. Collectivism // *J. Cross-Cultural Psychol.* 2008a. Vol. 39. N 1. P. 55–74.
69. Matsumoto D., Yoo S.H., Nakagawa S. et al. Culture, emotion regulation, and adjustment // *J. Pers. Soc. Psychol.* 2008b. Vol. 94. N 6. P. 925–937.
70. Mekuria K., Mulat H., Derajew H. et al. High Magnitude of Social Anxiety Disorder in School Adolescents // *Psychiatry J.* 2017. Vol. 2017. Art. № 5643136.
71. Merhi R., Kazarian S.S. Examination of two emotion regulation strategies in a Lebanese community sample: Validation of the Arabic Emotion Regulation Questionnaire (ERQ) // *J. Psychol. Clin. Psychiatr.* 2015. Vol. 3. N 4. Art. № 00147.
72. Miettunen J., Veijola J., Launonen E. et al. Sex differences in Cloninger's temperament dimensions – a meta-analysis // *Compr. Psychiatry.* 2007. Vol. 48. N 2. P. 161–169.
73. Molnar B.E., Buka S.L., Kessler R.C. Child sexual abuse and subsequent psychopathology: Results from the national comorbidity survey // *Am. J. Public Health.* 2001. Vol. 91. P. 753–760.
74. Peng W., Liu M. Online Gaming Dependency: A Preliminary Study in China // *Cyberpsychol. Behav. Soc. Netw.* 2010. Vol. 13. N 3. P. 329–333.
75. Ren Y., Yang J., Liu L. Social Anxiety and Internet Addiction among Rural Left-behind Children: The Mediating Effect of Loneliness // *Iran. J. Public Health.* 2017. Vol. 46. N 12. P. 1659–1668.
76. Rose S., Dhandayudham A. Towards an understanding of Internet-based problem shopping behaviour: The concept of online shopping addiction and its proposed predictors // *J. Behav. Addict.* 2014. Vol. 3. N 2. P. 83–89.
77. Schneider L.A., King D.L., Delfabbro P.H. Family factors in adolescent problematic Internet gaming: A systematic review // *J. Behav. Addict.* 2017. Vol. 6. N 3. P. 321–333.
78. Shaw M., Black D.W. Internet addiction: definition, assessment, epidemiology and clinical management // *CNS Drugs.* 2008. Vol. 22. N 5. P. 353–365.
79. Spaepen D.L., Waters F., Brum-mer L. et al. The Emotion Regulation Questionnaire: Validation of the ERQ-9 in two community samples // *Psychol. Assessment.* 2014. Vol. 26. N 1. P. 46–54.
80. Sugaya N., Shirasaka T., Takahashi K. et al. Bio-psychosocial factors of children and adolescents with internet gaming disorder: a systematic review // *BioPsychoSocial. Med.* 2019. Vol. 13. Art. N 3.
81. Tremblay R.E., Côté S.M. Sex differences in the development of physical aggression: An intergenerational perspective and implications for preventive interventions // *Infant. Ment. Health J.* 2019. Vol. 40. N 1. P. 129–140.

82. Trotzke P., Starcke K., Müller A. et al. Pathological Buying Online as a Specific Form of Internet Addiction: A Model-Based Experimental Investigation // PLoS ONE. 2015. Vol. 10. N 10. Art. N e0140296.
83. Tsai H.F., Cheng S.H., Yeh T.L. et al. The risk factors of Internet addiction - a survey of university freshmen // Psychiatr. Res. 2009. Vol. 167. N 3. P. 294–299.
84. Vigna-Taglianti F., Brambilla R., Priotto B. et al. Problematic internet use among high school students: Prevalence, associated factors and gender differences // Psychiatr. Res. 2017. Vol. 257. P. 163–171.
85. Weinstein A., Dorani D., Elhadif R. et al. Internet addiction is associated with social anxiety in young adults // Ann. Clin. Psychiatry. 2015. Vol. 27. N 1. P. 4–9.
86. Winstanley E.L., Mahoney J.J. 3rd, Lander L.R. et al. Something to despair: Gender differences in adverse childhood experiences among rural patients // J. Subst. Abuse Treat. 2020. Vol. 116. Art. N 108056.
87. Xin M., Xing J., Pengfei W. et al. Online activities, prevalence of Internet addiction and risk factors related to family and school among adolescents in China // Addict. Behav. Rep. 2018. Vol. 7. P. 14–18.

ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН С ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТЬЮ

П.А. Позизовский, Е.П. Скурат, А.В. Трусова, А.Б. Шмуклер, А.О. Кибитов

В условиях стремительного глобального распространения цифровых технологий все чаще регистрируются случаи проблемного использования Интернета, приводящие к значительным негативным психосоциальным последствиям. При этом межполовая специфичность индивидуально-психологических характеристик, потенциально значимых для формирования интернет-зависимости (ИЗ), остается малоизученной.

Целью исследования явилось установление межполовых различий в индивидуально-психологических характеристиках лиц с интернет-зависимостью.

С помощью «Шкалы интернет-зависимости» (CIAS) были выявлены 100 человек в возрасте 16–34 лет, набравших 65 баллов и более, что соответствует уровню ИЗ. Участники исследования были разделены на две группы по полу: группа I (54 муж.) и группа II (46 жен.). Для оценки индивидуально-психологических характеристик применялись: опросник Басса-Перри для оценки агрессивности (BPAQ), опросник эмоциональной регуляции (ERQ), шкала социальной тревожности Либовица (LSAS), краткая версия пятифакторного опросника личности (TIPI-RU), опросник темперамента и характера Клонинджер (TCI-125), международный опросник неблагоприятного детского опыта (ACE-IQ).

Проведенный анализ полученных результатов выявил ряд различий, ассоциированных с полом. Мужчины достоверно чаще проявляли физическую агрессию ($p=0,009$), подавляли эмоции ($p=0,019$) и характеризовали себя как эмоционально стабильных ($p=0,048$). Женщины достоверно чаще испытывали страх ситуаций межличностного контакта и совершения действий в общественных местах ($p=0,027$), сталкивались с сексуальным насилием в детском возрасте ($p=0,032$), у них чаще выявлялись такие личностные черты, как «зависимость от вознаграждения» ($p=0,002$), «настойчивость/упорство» ($p=0,046$) и «самоусовершенствование/трансцендентность Я» ($p=0,002$).

Выявленные межполовые различия в группе лиц с интернет-зависимостью потенциально можно считать специфичными для данного контингента, хотя подобные соотношения удастся проследить как при некоторых других формах аддикций, так и в общей популяции. Возможно, специфика межполовых различий отражает индивидуально-психологические маркеры повышенной уязвимости к формированию интернет-зависимости.

Ключевые слова: интернет-зависимость, проблемное использование интернета, межполовые различия, гендерные различия, нехимические аддикции, предикторы интернет-зависимости.

GENDER DIFFERENCES IN PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF PEOPLE WITH INTERNET ADDICTION

P.A. Ponizovskiy, E.P. Skurat, A.V. Trusova, A.B. Shmukler, A.O. Kibitov

Background: In the context of the rapid global spread of digital technologies, cases of problematic internet use causing significant negative psychosocial consequences are increasingly reported. At the same time, the gender specificity of psychological characteristics that are potentially significant for the formation of Internet addiction remains understudied.

Aims: The aim of the study was to identify gender differences in the psychological characteristics of people with Internet addiction.

Method: 100 people aged 16–34 years who scored 65 points or more on the Chinese Internet Addiction Scale (CIAS) were identified. The study participants were divided into 2 groups by gender: group 1 (54 men) and group 2 (46 women). To assess the individual psychological characteristics, the following psychometric tests were used: the Bass-Perry Aggression Questionnaire (BPAQ); the Emotional Regulation Questionnaire (ERQ); the Liebowitz Social Anxiety Scale (LSAS); a short version of the Five-factor Personality Questionnaire (TIPI-RU); the Cloninger Temperament and Character Inventory (TCI-125); and the Adverse Childhood Experiences International Questionnaire (ACE-IQ).

Results: Analysis of the results revealed a number of gender-associated differences. Men demonstrated physical aggression ($p=0.009$), suppressed emotions ($p=0.019$) significantly more often than women and characterized themselves as emotionally stable ($p=0.048$). Women were significantly more likely to experience fear of situations of interpersonal contact and action in public places ($p=0.027$). They experienced significantly more sexual violence in childhood ($p=0.032$) and were more likely to have personality traits such as “reward dependence” ($p=0.002$), “persistence” ($p=0.046$), and “self-transcendence” ($p=0.002$).

Conclusion: The gender differences in the cohort of individuals with Internet addiction can potentially be considered specific for this contingent, although such gender relationships can be observed in other forms of addiction and in the general population. The specificity of gender differences may reflect individual psychological markers of increased vulnerability to developing Internet addiction.

Key words: Internet addiction, problematic Internet use, gender differences, non-chemical addictions, predictors of Internet addiction.

Позизовский Павел Александрович – кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник отделения терапии психических расстройств, осложненных болезнями зависимости, Московского НИИ психиатрии – филиала ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П.Сербского» МЗ РФ; email: rapon78@mail.ru

Скурат Евгения Петровна – специалист по биостатистике, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и неврологии им. В.М. Бехтерева» Минздрава России, аспирант математико-механического факультета Санкт-Петербургского государственного университета; email: skuratevgenia@gmail.com

Трусова Анна Владимировна – кандидат психологических наук, доцент кафедры медицинской психологии и психофизиологии Санкт-Петербургского государственного университета, старший научный сотрудник ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и неврологии им. В.М.Бехтерева» Минздрава России; email: anna.v.trusova@gmail.com

Шмуклер Александр Борисович – доктор медицинских наук, профессор, заместитель директора по научной работе Московского НИИ психиатрии – филиала ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П.Сербского» Минздрава России, г. Москва; email: shmukler.a@serbsky.ru

Кибитов Александр Олегович – доктор медицинских наук, руководитель лаборатории молекулярной генетики НИЦ наркологии – филиала ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П.Сербского» Минздрава России; email: druggen@mail.ru